

УДК 327

DOI: 10.26140/anie-2021-1001-0007

ЯДЕРНЫЕ ПРОГРАММЫ КНДР И ИРАНА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

© Автор(ы) 2021
SPIN: 9289-8392
Author ID: 898990

КОЗИНЕЦ Андрей Игоревич, кандидат политических наук,
доцент кафедры международных отношений

SPIN: 2866-3358
Author ID: 1086517

СОРОКИН Максим Александрович, студент кафедры
Международных отношений

Дальневосточный федеральный университет

(690091, Россия, Владивосток, улица Суханова, 8, e-mail: kozinets.andrei@gmail.com)

Аннотация. В данной статье рассматриваются ядерные программы Корейской Народно-Демократической Республики и Исламской Республики Иран в контексте современного состояния глобального режима ядерного нераспространения. Режим нераспространения ядерного оружия является одним из краеугольных камней обеспечения глобальной безопасности. Юридической основой этого режима выступает Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), вступивший в силу в 1970 году. В рамках этого документа строгим образом определяется круг государств, имеющих право на разработку и владения ядерным оружием, и круг государств, таким правом не обладающих. Главной международной структурой, ответственной за надзор над соблюдением положений ДНЯО является Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ). В случае нарушений режима нераспространения, несущих явную угрозу глобальной безопасности, соответствующая реакция следует со стороны Совета Безопасности ООН, как главной структуры, призванной обеспечивать глобальную безопасность. Тем не менее, на сегодняшний день имеются серьезные проблемы сохранности международного режима нераспространения ядерного оружия. В частности, данные проблемы вызваны развивающимися ядерными программами КНДР и Ирана, не имеющими прав на обладание ядерным оружием согласно ДНЯО. Авторы анализируют содержание ряда международных документов, принятых МАГАТЭ и Советом Безопасности ООН, для идентификации общего и особенного в ядерных программах этих двух стран, а также рассматривают различные сценарии урегулирования имеющихся проблем нарушения режима ядерного нераспространения.

Ключевые слова: режим нераспространения, ядерное оружие, ДНЯО, договор о нераспространении, ядерная программа, Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности ООН, МАГАТЭ, КНДР, Иран

NUCLEAR WEAPONS PROGRAM OF THE DPRK AND IRAN IN THE CONTEXT OF GLOBAL NON-PROLIFERATION REGIME

© The Author(s) 2021

KOZINETS Andrei Igorevich, candidate of political sciences, associate professor
of the Department of International Relations

SOROKIN Maksim Alexandrovich, student of the Department of International Relations
Far Eastern Federal University

(690091, Russia, Vladivostok, Sukhanova street, 8, e-mail: kozinets.andrei@gmail.com)

Abstract. This article examines the nuclear programs of the Democratic People's Republic of Korea and the Islamic Republic of Iran in the context of the current state of the global nuclear non-proliferation regime. The nuclear non-proliferation regime is one of the cornerstones of global security. The legal basis for this regime is the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT), which entered into force in 1970. Within the framework of this document, the circle of states that have the right to develop and possess nuclear weapons and the circle of states that do not have such a right are strictly defined. The main international body responsible for overseeing compliance with the NPT provisions is the International Atomic Energy Agency (IAEA). In the event of violations of the nonproliferation regime that pose a clear threat to global security, the appropriate response should be from the UN Security Council, as the main structure designed to ensure global security. Nevertheless, today there are serious problems with the preservation of the international regime for the non-proliferation of nuclear weapons. In particular, these problems are caused by the developing nuclear programs of the DPRK and Iran, which do not have the right to possess nuclear weapons under the NPT. The authors analyze the content of a number of international documents adopted by the IAEA and the UN Security Council to identify the common and specific in the nuclear programs of these two countries, and also consider various scenarios for resolving the existing problems of violation of the nuclear non-proliferation regime.

Keywords: non-proliferation regime, nuclear weapons, NPT, non-proliferation treaty, nuclear program, United Nations, UN Security Council, IAEA, DPRK, Iran

ВВЕДЕНИЕ.

В настоящее время международный режим нераспространения ядерного оружия сталкивается с рядом проблем. В число ключевых входит проблема расширения числа стран так называемого «ядерного клуба». Особого внимания в данной связи заслуживают Корейская Народно-Демократическая Республика и Исламская Республика Иран, как страны, добившиеся существенных успехов в сфере военного атома и не разделяющие ряда важных международных норм. Подчас жесткие решения Совета Безопасности ООН, в частности международные санкции, вводимые против КНДР и Ирана, оказываются малоэффективными, так как на данный момент не смогли вынудить ни Пхеньян, ни Тегеран к окончательному прекращению своих ядерных

программ.

Несмотря на высокую важность и значимость данной темы с точки зрения обеспечения глобальной безопасности, количество публикаций в российской академической среде по ядерным программам КНДР и Ирана, а также смежных вопросов, вызванных их развитием, нельзя назвать действительно обширным. Среди некоторых примечательных работ по данной проблематике можно выделить работы Пак С.Х., Сливко С.В., Хакимова А.Ш, Косарева В.А [1-4]. Зарубежные исследователи достаточно активно рассматривают имеющиеся проблемы международного режима нераспространения, в том числе вызванные развитием ядерных программ КНДР и Ирана [5-9]. Тем не менее, в данных работах не проводится сравнение общего и особенного

в ядерных программах двух этих стран, а также в методике воздействия, избранного Советом Безопасности ООН и других ключевых институтов международного сообщества.

МЕТОДОЛОГИЯ.

Данная работа посвящена проблеме нарушения режима международного нераспространения в виду активного развития военных ядерных программ в КНДР и Иране. Режим международного нераспространения рассматривается как система международных соглашений, норм и институтов, существующих с целью предотвратить расширение круга государств, обладающих ядерным оружием. Методологической основой работы является теория политического Реализма, а также модель ядерного разоружения Дж. Карлсона; в качестве основных эмпирических источников использовались резолюции и стенограммы заседаний Совета Безопасности ООН, посвященные решению вопросов северокорейской и иранской ядерных программ.

РЕЗУЛЬТАТЫ.

Проведенная работа позволяет акцентировать наше внимание на нескольких ключевых аспектах угрозы глобальной безопасности, вызванной распространением ядерного оружия.

Концептуально-правовая основа международного режима ядерного нераспространения. Ключевым международным документом в области нераспространения ядерного оружия является Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), вступивший в силу в 1970 году. ДНЯО строго определяет государства, имеющие право на разработку ядерного оружия, - государства, обладающие ядерным оружием (те, кто обладал ядерным оружием до января 1961 года), и государства, не обладающие ядерным оружием, которым запрещено наращивать свой ядерный потенциал любым из возможных способов [10].

Ответственность за надзор за выполнением положений, предписанных в ДНЯО, лежит на Международном агентстве по атомной энергии (МАГАТЭ), учрежденном в 1957 году. Основная задача, стоящая перед Агентством, заключается в содействии мирным ядерным исследованиям посредством обмена знаниями и опытом, а также поддержания соглашений о гарантиях с государствами-членами ДНЯО [11].

В 1963 году Советский Союз, Соединенные Штаты и Великобритания, принимая во внимание реальность угрозы ядерной войны, сделали первый шаг к предотвращению использования ядерной энергии в военных целях. Собравшись в Москве 5 августа 1963 года, полномочные представители государств согласовали положения Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (также известен как Московский договор). Договор запрещает любые испытательные взрывы ядерного оружия, за исключением взрывов, проводимых под землей [12]. В настоящее время эта единственная официально вступившая в силу система предотвращения использования ядерного оружия.

Другим основополагающим документом в области глобального режима ядерного нераспространения, является Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), принятый Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций (ГА ООН) в 1996 году. Ссылаясь на статью I Договора, каждое государство-участник обязуется не проводить никаких испытаний ядерного оружия или любого другого ядерного взрыва, а также запрещать и предотвращать любой такой ядерный взрыв в любом месте, находящимся под его юрисдикцией или контролем, и, кроме того, воздерживаться от любого рода участия в проведении испытательного взрыва ядерного оружия или любого другого ядерного взрыва [13].

В 2004 году Совет Безопасности ООН (СБ ООН) единогласно принял резолюцию SC/RES/1540, которая

является одним из ключевых документов СБ ООН по вопросу ядерного нераспространения [14]. Резолюция осуждает распространение всех видов оружия массового уничтожения, а также обязывает государства-члены разрабатывать на национальном уровне проекты законодательных актов, которые будут содержать меры по нераспространению оружия массового уничтожения, и воздерживаться от оказания поддержки каким-либо негосударственным субъектам в производстве такого вида вооружения. Кроме того, согласно резолюции, был учрежден Комитет по санкциям 1540, который контролирует осуществление принудительных мер в отношении тех, кто не соблюдает положения резолюции.

Первоначальная попытка утвердить юридически обязывающее международное соглашение о полном ядерном разоружении была предпринята ГА ООН 7 июля 2017 года с принятием Договора о запрещении ядерного оружия [15]. Однако постоянно ухудшающаяся ситуация на международной арене наряду с негативной реакцией на Договор со стороны постоянных членов СБ ООН препятствует реализации соглашения.

Ядерная программа Исламской Республики Иран. С самого начала XXI века мировое сообщество уделяло внимание иранской ядерной программе. В 2003 году МАГАТЭ начало расследование с целью проверки незавершенной ядерной деятельности, осуществляемой Ираном. Три года спустя СБ ООН взял под свой прямой контроль ядерную программу Исламской Республики посредством принятия резолюции 1696 (2006). В этой резолюции СБ ООН призвал Иран приостановить обогащение урана и проверить соответствие требованиям Совета управляющих МАГАТЭ. Резолюция не подразумевала каких-либо принудительных мер, однако она заложила основу для последующих действий, предпринятых в рамках мандата Совета Безопасности [16].

Поскольку Иран не выполнил предписанные требования, СБ ООН впоследствии принял резолюции 1737 (2006), 1747 (2007), 1803 (2008), 1835 (2008), а также 1929 (2010). Поскольку почти все из них были утверждены в соответствии со статьей 41 Устава ООН, основная цель документов заключалась в том, чтобы препятствовать деятельности по обогащению урана, совершаемой Исламской Республикой, до полного ее приостановления. Резолюции включали введение экономических санкций наряду с эмбарго на поставки оружия и других принудительных мер.

В 2011 году МАГАТЭ сообщило, что Иран проводил эксперименты с целью создания ядерной бомбы до 2003 года. Помимо этого, МАГАТЭ не исключило возможности последующего продолжения исследований в этой области, призывая все мировое сообщество выполнять свои обязательства согласно резолюциям СБ ООН [17]. В 2015 году Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) был согласован между постоянными членами СБ ООН и Германией с одной стороны, и Исламской Республикой Иран – с другой, после чего последовало аннулирование всех принудительных мер, закрепленных в резолюциях СБ ООН. Соглашение представляет собой набор мер и средств для денуклеаризации Ирана в обмен на экономическую помощь [18].

До настоящего времени СВПД являлся единственным нормативным актом, регулирующим ядерную программу Ирана. Тем не менее, 18 мая 2018 года президент Соединенных Штатов Дональд Дж. Трамп объявил о выходе из СВПД, хотя только 1 мая 2018 года МАГАТЭ в очередной раз отметило свой доклад за 2015 год, заявив, что не было обнаружено никаких достоверных доказательств какой-либо деятельности, связанной с производством ядерного оружия в Исламской Республике Иран с 2009 года [19]. В ноябре 2018 года администрация Трампа восстановила санкции в отношении жизненно важной нефтяной промышленности Ирана, вынудив Исламскую Республику изменить свою политику на Ближнем Востоке, включая разработку баллистических

ракет.

В ответ на односторонние санкции, введенные Соединенными Штатами Америки, Иран призвал ЕС оказать экономическую помощь Исламской Республике. В связи с этим 31 января 2019 года Франция, Германия и Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии запустили «Инструмент поддержки торговых обменов» (INSTEX) с целью поддержки законной европейской торговли с Ираном, первоначально сосредоточив внимание на секторах, наиболее важных для иранского населения - таких, как фармацевтические, медицинские приборы и препараты, а также агропродовольственные товары. Тем не менее, желаемого результата данная инициатива не принесла.

8 мая 2019 года Иран заявил, что он приостановит выполнение некоторых положений СВПД, угрожая дальнейшими действиями в течение 60 дней, если он не получит защиту от санкций Соединенных Штатов. 1 июля 2019 года Иран нарушил первое ограничение, установленное в отношении запасов низкообогащенного урана. Впоследствии, МАГАТЭ подтвердило, что общий объем запасов урана у Исламской Республики превысил значение, установленное в рамках Договора. Впоследствии, 7 июля 2019 года, Иран объявил, что обогащение урана превысило согласованный уровень в 3,67% [20].

Эскалация достигла своего пика 3 января 2020 года, когда Соединенные Штаты ликвидировали Кассема Сулеймани, главу иранских элитных сил Кудса, и Абу Махди аль-Мухандиса, заместителя командующего поддерживаемыми Ираном ополченцами, известными как Народные мобилизационные силы. После этого Исламская Республика сняла лимит на количество работающих центрифуг и осуществила несколько ракетных ударов по базам Соединенных Штатов, расположенных в Ираке. В ответ на постоянно ухудшающуюся ситуацию Соединенные Штаты ввели дополнительные санкции против Ирана, поставив под угрозу полной отмены ядерную сделку вкупе со всем режим нераспространения на Ближнем Востоке.

Одной из ключевых проблем в отношении иранской ядерной программы являются отношения между Соединенными Штатами и Исламской Республикой Иран. Выход Соединенных Штатов из СВПД ставит под угрозу весь режим нераспространения на Ближнем Востоке, из-за чего возникает вопрос, что необходимо сделать в дальнейшем для предотвращения наращивания иранского ядерного потенциала. В конечном счете, два подхода сталкиваются друг с другом: с одной стороны, существуют санкции, введенные Соединенными Штатами и в некоторой степени поддерживаемые несколькими государствами-членами ЕС; с другой стороны, существует резолюция 2231 СБ ООН, в которой закреплены полномочия и ответственность Совета по контролю за иранской ядерной программой [21].

Еще одна важная проблема, стоящая перед международным сообществом, — это направление последующих действий, в частности, разное видение Соединенных Штатов и ЕС в отношении мер, которые должны быть приняты в дальнейшем. Хотя Соединенные Штаты по-прежнему уверены в том, что принудительные меры могут исключительно способствовать сокращению ядерного потенциала Ирана, ЕС в основном стремится к конструктивному дипломатическому диалогу с Исламской Республикой. В этой связи в январе 2020 года Франция, Германия и Соединенное Королевство предложило ввести в действие Механизм разрешения споров, как это предусмотрено в пункте 36 СВПД [22]. Цель Механизма — решение вопросов, связанных с осуществлением СВПД в рамках Совместной комиссии. Однако вопросы об эффективности инициативы без участия Соединенных Штатов Америки остаются открытыми.

Ранее СБ ООН нес ответственность за ядерную программу Ирана. Однако сразу после того, как Исламская Республика выполнила требования СВПД, СБ ООН

снял все санкции, введенные ранее. В резолюции 2231 Совет закрепил свои полномочия на возобновление принудительных мер, хотя на все нарушения Соглашения со стороны Ирана на сегодня отвечают односторонние ограничения со стороны государств-членов [23]. В итоге это ведет к ухудшению диалога и последующей эскалации ситуации, что ставит вопрос о необходимости того, чтобы СБ ООН взял на себя ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Между тем, включение других органов и учреждений ООН, таких как Управление ООН по вопросам разоружения, Комитет ООН по разоружению также может рассматриваться в качестве необходимой меры.

Поскольку одной из основных ценностей ООН является содействие диалогу между государствами-членами, важно учитывать и уважать позицию каждой из сторон, вовлеченных в этот вопрос. Правительство Ирана неоднократно заявляло о своем намерении вести переговоры. В ответ на это государства-члены уже предложили различные механизмы для содействия диалогу по ядерной программе Ирана. Несмотря на то, что СБ ООН обладает уникальными полномочиями принимать юридически обязывающие решения государствам-членам, мировое сообщество должно быть сосредоточено на дипломатическом и компромиссном подходе, поскольку атмосфера взаимного доверия и уважения может способствовать решению этого вопроса.

Ядерная программа Корейской Народно-Демократической Республики. В развитии северокорейской ядерной программы можно выделить три этапа. Первый этап длится с 1985-2003 гг. Это был период, когда КНДР была участником ДНЯО. В 1992 году МАГАТЭ впервые отметило, что северокорейский ядерный потенциал преодолел заявленные показатели. КНДР отказалась предоставить полный доступ МАГАТЭ к своим объектам, поскольку она считала, что агентство является инструментом Соединенных Штатов. В 1994 году КНДР покинула МАГАТЭ.

Впоследствии, в 2003 году, КНДР вышла из ДНЯО, а также из соглашения с Южной Кореей 1992 года о сохранении безъядерного полуострова и начала активное развитие своей ядерной программы, что ознаменовало начало второго этапа — быстрой разработки ядерного оружия. Программа продолжалась до 2018 года. В целом, Северная Корея провела шесть ядерных испытаний: в октябре 2006 года, мае 2009 года, феврале 2013 года, январе и сентябре 2016 года, июле и сентябре 2017 года.

Третий этап можно назвать «Дипломатией саммитов». Он начался в 2018 году и продолжается до сих пор. Основными особенностями этого этапа являются: отсутствие ядерных испытаний в КНДР, проведение нескольких саммитов исторического значения и все еще очевидное нежелание сторон прийти к конкретному соглашению о денуклеаризации Корейского полуострова. В январе 2018 года состоялись первые переговоры между двумя лидерами государств Корейского полуострова, высшим руководителем КНДР Ким Чен Ыном и президентом республики Корея Мун Чжэ-ином. Июнь 2018 г. - Сингапурский саммит лидера КНДР с президентом США Дональдом Трампом; апрель 2019 года - первый визит северокорейского лидера в Россию. Кроме того, 30 июня 2019 года Ким Чен Ын встретился с Дональдом Трампом в демилитаризованной зоне между двумя Кореями [24].

Со времен первого ядерного испытания, проведенного Северной Кореей в 2006 году, СБ ООН принял 9 резолюций с принудительными мерами в отношении КНДР: S/RES/1718 (2006), S/RES/1874 (2009), S/RES/2087 (2013), S/RES/2094 (2013), S/RES/2270 (2016), S/RES/2321 (2016), S/RES/2371 (2017), S/RES/2375 (2017), S/RES/2379 (2017). Все резолюции являются реакцией Совета Безопасности на ядерные испытания в КНДР, которые включают введение санкций, эмбарго на поставки оружия, запрет на поездки должностных лиц и другие

меры. К числу наиболее строгих ограничений относятся нефтяное эмбарго и экономическая блокада, введенная в отношении Северной Кореи [25].

На двустороннем уровне в 1992 году две Кореи подписали Совместную декларацию Южной и Северной Кореи о денуклеаризации Корейского полуострова, в соответствии с которой два государства соглашаются не испытывать, не производить, не получать, не владеть, не хранить, не развешивать, не использовать ядерное оружие; использовать ядерную энергию исключительно в мирных целях; и не иметь установок для ядерной переработки и обогащения урана [26].

На Корейском полуострове проводились шестисторонние переговоры представителей США, России, Китая, Северной и Южной Кореи, Японии. Переговоры были начаты в 2003 году и остановились в 2008 году, всего было проведено шесть раундов. Основной целью переговоров было достижение соглашения о денуклеаризации Корейского полуострова [27]. Шестисторонние переговоры завершились соглашением в сентябре 2005 года, в котором стороны остановились на конкретных мерах в направлении полной денуклеаризации Корейского полуострова «в соответствии с принципом приверженности делу» [28].

В настоящее время, по оценкам, Северная Корея обладает достаточным количеством расщепляющегося материала для сборки 30-60 ядерных боеголовок и, возможно, имеет от 10 до 20 единиц ядерного оружия [29].

Тем не менее, ситуация в отношении КНДР достаточно стабильная. Северная Корея не проводила никаких ядерных испытаний с 2017 года и находится в контакте с лидерами России, США и Южной Кореи. 30 июня 2019 года был сделан новый шаг, когда президент США Дональд Трамп встретился с северокорейским председателем Ким Чен Ыном в демилитаризованной зоне между двумя Кореями. Два лидера согласились возобновить переговоры по ядерному соглашению, но впоследствии они были остановлены. Основным камнем преткновения между двумя государствами по-прежнему остаются военные базы США в Южной Корее и гарантии безопасности Пхеньяну со стороны Вашингтона. Основная позиция Северной Кореи состоит в том, чтобы продолжать демонтаж баз и гарантировать, что США не собираются использовать против нее какие-либо военные силы. В свою очередь, главная цель США - заставить Северную Корею отказаться от своих ядерных арсеналов [30].

Корейская Народно-Демократическая Республика – маленькое государство с большими амбициями. Руководство Северной Кореи объясняют свои действия страхом повторения Корейской войны 1950-1953 гг., возможной силовой смены режима извне, что имело место в «странах изгоев», таких как Ирак, а также требованием полной демилитаризации полуострова. Помимо прекращения ядерных испытаний и начала некоторых попыток переговоров, не наблюдается какого-либо ощутимого прогресса в этом отношении.

Единственным эффективным решением для корейского конфликта, признанным большинством международного сообщества, является всеобъемлющий диалог между Северной Кореей и США по вопросу денуклеаризации и гарантий безопасности. Члены Совета Безопасности ООН могут либо форсировать это решение, либо разработать другую основу, которая может быть применена при решении данного вопроса.

ВЫВОДЫ.

Сегодня вопрос о денуклеаризации таких государств как КНДР и Иран стоит на повестке дня как один из наиболее животрепещущих. Идущие вразрез с базовыми принципами режима ядерного нераспространения и международного права ядерные программы вышеупомянутых стран являются существенной угрозой международному миру и безопасности.

Безусловно, развитие военного атом в Иране и Северной Корее имеют свои определенные особенно-

сти. Исходя из них, а также из того, как отреагировало мировое сообщество, можно предположить, как события будут развиваться дальше, и какие меры необходимо предпринять человечеству для дальнейшей денуклеаризации Ирана и КНДР с целью стабилизации обстановки на Ближнем Востоке и в Северо-восточной Азии, соответственно.

В обоих случаях мы сталкиваемся с подрывом международного режима нераспространения, в обоих случаях мы наблюдаем резко негативную реакцию Соединенных Штатов, что в обоих случаях приводит к последующей эскалации конфликта. Тем не менее, по своей концептуально-правовой базе вопросы иранского и северокорейского вооруженного атома существенно отличаются.

В основе сдерживающих мер в отношении Ирана сегодня лежит СВПД, в котором четко установлены ограничения по развитию ядерной энергетики, а также прописаны механизмы реализации Соглашения. В случае с КНДР по-прежнему сохраняется санкционный режим, который был санкционирован СБ ООН. Тем не менее, наиболее важный момент остается одинаковым – неэффективность применяемых государствами и международными институтами мер. СВПД находится под угрозой развала после выхода из данного соглашения США, а санкционный режим против КНДР все никак не может привести к желанному результату – безъядерному Корейскому полуострову.

Одно можно сказать точно, ответственность за разрешение данных конфликтов должна лежать на Организации Объединенных Наций, а именно Совете Безопасности, который, согласно уставу ООН, несет ответственность за поддержание международного мира и безопасности. СБ ООН имеет исключительные права на принуждение, если того требует ситуация. Вне всяких сомнений, ситуации, с которыми мы столкнулись являются таковыми. Одностороннее принуждение, взаимное неуважение позиций участников переговорного процесса лишь ведут к эскалации конфликта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Пак С.Х. Нераспространение ядерного оружия и ядерная программа КНДР // Вестник РУДН. Международные отношения. 2012. № 3. С. 5 – 13.
2. Сливко С.В. Развитие ракетной и ядерной программ КНДР на современном этапе и реакция мирового сообщества (2011 – 2016) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 1. С. 95 – 101.
3. Хакимов А.Ш. Первый год президентства Хасана Роухани: противостояние реформистов и консерваторов по вопросу ядерной программы Ирана (2013 – 2014) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 65. С. 96 – 100.
4. Косарев В.А. Развитие ситуации вокруг ядерной программы Ирана: МАГАТЭ, региональный аспект // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 6. С. 70 – 94.
5. Juneau T., Razavi S. Costly gains: a cost-benefit assessment of Iran's nuclear program // The Nonproliferation Review. 2018. № 1-2. P. 69 – 86.
6. Mousavian S.H., Mousavian M.M. Building on the Iran Nuclear Deal for International Peace and Security // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. 2018. № 1. P. 169 – 192.
7. Rezaei F. Iran's Nuclear Program: A Study in Proliferation and Rollback. Palgrave, 272.
8. Carlson J. Verification of DPRK Nuclear Disarmament: The Pros and Cons of Non-Nuclear Weapon States (specifically, the ROK) Participating in This Verification Program // Journal of Peace and Nuclear Disarmament. 2019. № 2. P. 535 – 554.
9. Kitano M. Opaque nuclear proliferation revisited: determinants, dynamism, and policy implications // The Nonproliferation Review. 2016. № 3-4. P. 459 – 479.
10. Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons // United Nations [Electronic Resource]. URL: <https://www.un.org/disarmament/wmd/nuclear/npt/text/> (дата обращения: 30.09.2020).
11. Basics of the IAEA Safeguards // International Atomic Energy Agency [Electronic Resource]. URL: <https://www.iaea.org/topics/basics-of-iaea-safeguards> (дата обращения: 25.09.2020).
12. Treaty Banning Nuclear Weapons Tests in the Atmosphere, in Outer Space and Under Water // United Nations [Electronic Resource]. URL: <https://treaties.un.org/pages/showDetails.aspx?objid=08000002801313d9> (дата обращения: 30.09.2020).
13. Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty // United Nations Office on Disarmament Affairs [Electronic Resource]. URL: <https://www.un.org/disarmament/wmd/nuclear/ctbt/> (дата обращения: 30.09.2020).
14. United Nations Security Council Resolution SC/RES/1540 // United

- Nations [Electronic Resource]. URL: [https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1540%20\(2004\)](https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1540%20(2004)) (дата обращения: 30.09.2020).
15. Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons (2017) // United Nations Office on Disarmament Affairs [Electronic Resource]. URL: <https://www.un.org/disarmament/wmd/nuclear/tpnw/> (дата обращения: 30.09.2020).
16. United Nations Security Council Resolution S/RES/1696 (2006) URL: [https://www.undocs.org/S/RES/1696%20\(2006\)](https://www.undocs.org/S/RES/1696%20(2006))
17. Implementation of the NPT Safeguards Agreement and relevant provisions of Security Council resolutions in the Islamic Republic of Iran // International Atomic Energy Agency [Electronic Resource]. URL: https://isis-online.org/uploads/isis-reports/documents/IAEA_Iran_8Nov2011.pdf (дата обращения: 27.09.2020).
18. United Nations Security Council Resolution S/RES/2231 (2015) // United Nations [Electronic Resource]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/unsc_resolution2231-2015.pdf (дата обращения: 30.09.2020).
19. Final Assessment on Past and Present Outstanding Issues regarding Iran's Nuclear Programme // International Atomic Energy Agency [Electronic Resource] URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/gov-2015-68.pdf> (дата обращения: 30.09.2020).
20. Verification and monitoring in the Islamic Republic of Iran in light of United Nations Security Council resolution 2231 (2015) // International Atomic Energy Agency [Electronic Resource]. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/19/07/govinf2019-8.pdf> (дата обращения: 27.09.2020).
21. United Nations Security Council Resolution S/RES/2231 (2015) // International Atomic Energy Agency [Electronic Resource]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/unsc_resolution2231-2015.pdf (дата обращения: 25.09.2020).
22. Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) // European Parliament [Electronic Resource]. URL: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/122460/full-text-of-the-iran-nuclear-deal.pdf> (дата обращения: 27.09.2020).
23. United Nations Security Council Resolution S/RES/2231 (2015) // International Atomic Energy Agency [Electronic Resource]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/unsc_resolution2231-2015.pdf (дата обращения: 30.09.2020).
24. Mecklin J. Four questions for Duyeon Kim about the Trump-Kim DMZ meeting // Bulletin of the Atomic Scientists [Electronic Resource] URL: <https://thebulletin.org/2019/07/four-questions-for-duyeon-kim-about-the-trump-kim-dmz-meeting/> (дата обращения: 30.09.2020).
25. Factsheet on the UN Security Council Resolutions on North Korea // Arms Control Association [Electronic Resource]. URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/UN-Security-Council-Resolutions-on-North-Korea> (дата обращения: 25.09.2020).
26. Joint Declaration of South and North Korea on the Denuclearization of the Korean Peninsula of 19 February 1992 // Nuclear Threat Initiative [Electronic Resource]. URL: <https://www.nti.org/learn/treaties-and-regimes/joint-declaration-south-and-north-korea-denuclearization-korean-peninsula/> (дата обращения: 27.09.2020).
27. Bajoria J, Xu B. The Six Party Talks on North Korea's Nuclear Program // Council on Foreign Relations [Electronic Resource]. URL: <https://www.cfr.org/background/six-party-talks-north-koreas-nuclear-program>. (дата обращения: 27.09.2020).
28. Huntley W.L. The Six-Party Talks Agreement. Next steps in the negotiations with North Korea // Foreign Policy in Focus [Electronic Resource]. URL: <https://fpif.org/the-six-party-talks-agreement/> (дата обращения: 27.09.2020).
29. Kristensen H.M., Norris R.S. North Korean nuclear capabilities, 2018 // Bulletin of the Atomic Scientists [Electronic Resource]. URL: <https://thebulletin.org/2018/01/north-korean-nuclear-capabilities-2018/>. (дата обращения: 27.09.2020).
30. Baker P., Crowley M. Trump Steps Into North Korea and Agrees With Kim Jong-un to Resume Talks // New York Times [Electronic Resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/06/30/world/asia/trump-north-korea-dmz.html>. (дата обращения: 27.09.2020).

Статья поступила в редакцию 16.10.2020

Статья принята к публикации 27.02.2021